

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕМИЯ «БОЛЬШАЯ КНИГА» — 2010 — ФИНАЛИСТ
«РУССКИЙ БУКЕР» — 2010 — ДЛИННЫЙ СПИСОК
«СТУДЕНЧЕСКИЙ БУКЕР» — 2010 — ШОРТ-ЛИСТ

ЕВГЕНИЙ КЛЮЕВ

Между двух стульев

Как весело пляшем мы в призрачных, ложных
огнях маскарада, как небрежно держим
в руках своих Истину и с каким божественным
легкомыслием ничего не желаем знать о ней!
Мы забавляемся, мы играем ею, мы бросаем
ее друг другу, как цветок, как тряпичную
куклу — и всю ночь мелькает она то в руках
разбойника, то в руках колдуна, то в руках
короля: банальная, свежая, сиюминутная,
вечная!.. И, натешившись ею, мы забываем
ее где-нибудь на скамейке в сквере, где-
нибудь на столике ночного кафе, чтобы под
утро дворник или уборщица вывели ее из
мира вместе с прочим мусором ночи, а мы,
сняв маски и посмотрев друг на друга, горько
усмехнулись бы: «Ах, это
только мы!.. Всего-то
навсего!»

Евгений Ключев

Между двух стульев

«WebKniga»

Клюев Е. В.

Между двух стульев / Е. В. Клюев — «WebKniga»,

«Когда что бы то ни было уже придумано кем бы то ни было, вопрос об авторстве теряет всякий смысл», – сказано в этой книге, автор и герои которой давно не нуждаются в представлении. Вот уже много лет «Между двух стульев» – своего рода всеобщее достояние, между тем как все новые и новые читатели тщетно ищут эту книгу на полках книжных магазинов. Настоящее издание – седьмое по счету – едва ли покроет потребности всех, но поможет хотя бы частично решить проблему с вечной нехваткой книги в продаже.

© Клюев Е. В.

© WebKniga

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Евгений Клюев

Между двух стульев

книга с тмином

© Евгений Клюев, текст, иллюстрации, 2014

© Валерий Калныныш, оформление, 2014

© «Время», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Серия «Самое время!»

«Когда что бы то ни было уже придумано кем бы то ни было, вопрос об авторстве теряет всякий смысл», – сказано в этой книге, автор и герои которой давно не нуждаются в представлении. Вот уже много лет «Между двух стульев» – своего рода всеобщее достояние, между тем как все новые и новые читатели тщетно ищут эту книгу на полках книжных магазинов. Настоящее издание – седьмое по счету – едва ли покроет потребности всех, но поможет хотя бы частично решить проблему с вечной нехваткой книги в продаже.

«...нет...»

Фр. Бэкон. «Новый органон»

...начнем, например, с пирога – пусть это будет пирог с тмином, потому что совершенно все равно как то, с чего начать, так и то, с чем пирог. Правда, пирог с тмином теперь большая редкость: мало кто умеет приготовить настоящий пирог с тмином, хоть, в общем-то, это не так уж трудно. Берется любой пирог и тмин – желательно в зернышках. Зернышки втыкаются в пирог, и получается пирог с тмином. Все дело в том, что обычно люди ленятся втыкать зернышки, поскольку процедура эта утомительна. Так пирог с тмином постепенно исчезает из обихода, а вместе с ним и выражение «пирог с тмином»: сначала оно перестает соотноситься с уже упоминавшимся (шесть раз) кулинарным производением, а потом и вовсе превращается в какую-то абракадабру – «пирокстминам».

И вот этот молодой человек, очень симпатичный, но, может быть, чрезмерно серьезный (зовут его не то Петр, не то Павел – я точно не знаю и предлагаю, во избежание недоразумений, называть его Петропавел), не случайно переспрашивает:

– Простите, пирог – с миной?

Глава 1

Пирог с миной

Выражение «*Пирог с миной*» – не совсем понятное выражение. Оно может означать пирог с недовольным лицом – этакой капризной миной – и пирог, начиненный разрывным снарядом. Первое неприятно, второе просто опасно. Пока Петропавел размышлял об этом, внесли пирог. С лицом у пирога все было нормально: открытое румяное лицо, пусть и не слишком запоминающееся. Зато вот середина пирога подозрительно выпячивалась – и когда над ней занесли довольно большой нож, Петропавел счел своим долгом напомнить:

– Осторожно, там мина!

Однако, несмотря на предупреждение, нож был безрассудно вонзен в самую середину. Стоит ли удивляться, если тут же раздался очень впечатляющий взрыв, и комната, где все это происходило, наполнилась сизым дымом? Дым рассеивался долго, но рассеялся весь – и Петропавел успел увидеть, как через комнату пронесся на коне всадник, причем Петропавлу показалось, что у всадника этого больше чем одна голова. Сколько именно голов у него, определить было трудно, здесь Петропавел мог и ошибиться, но готов был подтвердить под присягой, по крайней мере, то, что какое-то недоразумение в верхней части тела у всадника имелось. Это производило нехорошее сильное впечатление. Петропавел ринулся было вслед, но поймал себя на мысли, что это глупо – кидаться вдогонку за всадником, не имея коня, и вернулся на прежнее место, которое оказалось занятым. На этом месте ярко одетая девушка обнимала и целовала человека, годившегося ей в отцы, деды и прадеды *одновременно*, рассказывая ему о том, как она его любит, и о том, что это у нее впервые в жизни. Петропавел очень смутился, застав такой нежный и ответственный момент отношений двух незнакомых людей. Он сделал шаг назад и попытался даже произнести какие-нибудь извинения, но не успел, потому что ярко одетая девушка *внезапно* перестала обнимать и целовать возлюбленного и, прыжком переместившись к Петропавлу, принялась обнимать и целовать его. Объятия и поцелуи перемежались со словами:

– О любовь моя, я так долго ждала тебя! Я полюбила тебя сразу сильно и страстно: это у меня впервые в жизни!

Все произошло так быстро, что Петропавел даже не смог опознать уже слышанный им секунду назад текст: перед его глазами моталась красная роза – голова пошла кругом и, кажется, начала побаливать. В мгновение ока зацелованный весь, он почувствовал страшную слабость и с трудом выдохнул:

– Разве мы знакомы?

– Мы созданы друг для друга! – горячо воскликнула девушка и сопроводила восклицание объятием, похожим на членовредительство. Петропавел ойкнул, а мучительница продолжала: – Хочешь взять мою жизнь – так на же, бери ее, она твоя! Для чего она мне теперь, когда я встретила тебя, о моя жизнь!

Петропавлу не требовалась предложенная ему жизнь, тем более что его собственная, кажется, была в опасности, но он ничего не ответил, сомлев от очередного объятия и окончательно утратив способность соображать.

Когда на время угасшее сознание вернулось, тем, о ком сразу вспомнил Петропавел, стал человек, годившийся девушке в отцы, деды и прадеды. Все еще осыпаемый поцелуями, Петропавел уцепился за первую попавшуюся мысль о нем – мысль случилась такая: «Сейчас он меня зарежет». Но сосредоточиться даже на этой простой мысли оказалось невозможно: роза продолжала мотаться перед глазами и сбивала с толку. Впрочем, Петропавел исхитрился-таки искоса взглянуть на прежнего возлюбленного девушки, которого ожидал увидеть с ножом в

руке: тот блаженно улыбался и с удовольствием крестился, глядя на них. Похоже, он был страшно рад избавлению. «Меня не зарежут, – с грустью понял Петропавел, – значит, рассчитывать на постороннюю помощь не приходится. Надо, значит, самому позаботиться о себе...» Но не тут-то было: руки и ноги отказывались служить. Единственное, что удалось, – это избавиться от розы: Петропавел изловчился и вырвал ее из замысловатой прически мучительницы. Отбросив цветок подальше, он покорился судьбе и беспокойно ожидал смерти. О пощаде, видимо, не могло быть и речи.

За короткое время Петропавла истрепали всего – и он почти не расслышал спасительных слов, *внезапно* произнесенных девушкой:

– Не люблю тебя больше! – воскликнула она, с воплем «О любовь моя!» устремляясь в сторону. Перед глазами Петропавла на мгновение мелькнули уже знакомый ему всадник и вспрыгнувшая в занятое седло красавица. «Я так долго ждала тебя! Я полюбила тебя сразу – сильно и стра...» – донеслось до него издалека.

Петропавел вздрогнул и забился в тревожном и кошмарном сне. Сон отличался от яви только невообразимым количеством роз, украшавших волосы незнакомки – и Петропавел все вырывал и вырывал их из замысловатой прически...

– Не спи, свихнешься, – услышал он сквозь ужас сна голос человека и почувствовал, как что-то упало на лицо. Петропавел усилием воли прекратил сновидение с розами.

– Это кто? – спросил он.

Перед ним сидел прежний возлюбленный девушки и ел рыбу.

– Это? – человек беспечно бросил в Петропавла еще одну рыбью кость. – Это Шармен. Испанка, знаете ли... У любви, как у птички, крылья и все такое прочее... Рыбы хотите?

Петропавел отрицательно помотал головой:

– А чего она такая... эта Шармен? Налетела, как буря...

– Полюбила, – развел руками человек, доедавший рыбу, – что ж тут поделаешь? Со всяким бывает. – Он вытер рот краем плаща и отчитался: – Рыбы больше нет. Осталось куста четыре в кусках.

– А Вы кто? – спросил Петропавел, не вполне понимая слова незнакомца и подозрительно его разглядывая. Тот был одет исключительно старомодно: широкополая шляпа, плащ до земли, под плащом – жабо со всеми делами, потом ботфорты, шпоры...

– Бон Жуан, – отрекомендовались в ответ.

– Дон Жуан? – переспросил Петропавел.

– Бон! Бон Жуан, я ведь ясно сказал. Дон Жуан – он противный очень, бабник и так далее. Я про него такое знаю: шестой, хоть пятый!

– Как это – шестой, хоть пятый?

– Хоть стой, хоть падай, говорю, – и Бон Жуан заметил: – У Вас со слухом что-то... А я, чтоб Вы знали, – хороший, отличный я просто.

– Очень приятно, – пришлось соврать Петропавлу.

– Теперь Вы о себе говорите, хороший Вы или нет! – приказал Бон Жуан.

– Да как сказать... – засмутился Петропавел.

– Скажите, как есть, – посоветовал Бон Жуан, – я все пойму и прощу. Я же Вас не знаю, поэтому Вас для меня пока нет. И, стало быть, можно предполагать о Вас что угодно. Например, что Вы дрянь.

– Благодарю Вас, – поклонился Петропавел.

– Не стоит благодарности: предполагать действительно очень легко. Попробуйте предположить, например, что нынешний король Франции лыс.

Петропавел попробовал и признался:

– Не могу... Во Франции сейчас вообще нет короля.

– Тем более! – горячо подхватил Бон Жуан. – Если его нет, как раз и допустимо предположить о нем все, что хочешь! Эта ситуация сильно напоминает хотя бы следующую: если у Вас нет денег, можно смело предполагать, что Ваши деньги сделаны из листьев лопуха, или из блинной муки, или из кафельных плиток. Денег все равно нет – так что любое предположение равноценно. Потому-то и несуществующего короля Франции одинаково правильно представлять себе лысым, заросшим волосами, стриженным под горшок: ни одна из версий не будет ошибочной. Это ведь самое милое дело – строить предположения о том, чего нет, или о том, чего не знаешь.

– То есть на пустом месте! – язвительно уточнил Петропавел.

– А на *каком еще* можно? – изумился Бон Жуан. – Если место чем-то занято, его сначала нужно расчистить, а потом уже строить предположения.

Петропавел начал раздражаться:

– Значит, ни короля Франции, ни денег нет, а мы с вами давайте рассуждать о том, какие они!

Бон Жуан несколько даже опешил от этого заявления:

– У Вас, что же, вообще отсутствуют какие бы то ни было представления о том, чего нет?

– Но если этого нет! – воскликнул Петропавел. – На нет и суда нет.

– Забавно, – скорее себе, чем Петропавлу, сказал Бон Жуан. – По-вашему, получается, строить предположения можно только по поводу того, что есть? Но если это *и так* уже есть – какой же смысл строить предположения?.. Мои ботфорты, – он наклонил голову и проверил, – украшены шпорами. Шпоры – есть. Я знаю, что они – есть, и потому лишен возможности строить предположения на сей счет. Чтобы строить предположения, я должен считать шпоры несуществующими.

– Но они существуют, – безжалостно напомнил Петропавел.

В ответ на это Бон Жуан с силой оторвал шпоры и, вышвырнув их в окно, уставился на собеседника долгим дидактическим взглядом.

– Теперь мои ботфорты *не* украшены шпорами... Из-за Вас, между прочим! – Бон Жуан вздохнул, с огорчением разглядывая изуродованные ботфорты. – Стало быть, шпор нет – именно с этого момента я и имею право начинать строить предположения о том, что *могло бы* быть на освободившемся месте. Скушали? – он победоносно улыбнулся.

Петропавел посмотрел на Бон Жуана, как на идиота.

– Впрочем, я прибегнул к крайней мере, – признался Бон Жуан. – В разговоре с нормальными – я подчеркиваю, нормальными! – людьми достаточно бывает предварительно договориться: *допустим*, нет того, что есть. И нормальные люди, как правило, соглашаются не принимать существующее положение вещей как окончательное и единственно возможное... Скажем, у Вас нет головы, которая есть. Вот тут-то и начинается: если нет головы, то – что есть? Значит, я мысленно отрываю Вам голову и ставлю на ее место... ну, чайник. Я ведь не мог бы поставить чайник на место головы, не оторвав головы – в противном случае получится, что я просто поставил чайник Вам *на голову*, а это совсем другое. Понятно?

Петропавел пожал ничего не понявшими плечами.

– Голову Вам, что ли, оторвать для наглядности? – и Бон Жуан задумался. – Вам ведь вынь да положь – голову на блюде!..

Однако вместо этого он вынул из вазы на столике два цветка, украсил ими ботфорты и сказал:

– Теперь мои ботфорты украшены цветами. Цветы заняли то самое место, откуда исчезли шпоры, и я опять лишен возможности строить предположения. Я могу только констатировать: эти цветы – есть. Я констатирую – и мне скучно... Мне больше нравится «нет», чем «есть». Потому что всякое «нет» означает «уже нет» или «еще нет» – прошлое и будущее, у «нет» –

история, а у «есть» истории не бывает... – Бон Жуан помолчал и резюмировал: – Самое интересное в мире – это то, чего нет. Но Вас, кажется, больше интересует то, что есть. Досадно.

– Вы просто играете словами, – равнодушно уличил его Петропавел.

Бон Жуан усмехнулся:

– Милый мой, все мы просто играем словами! Но всем нам кажется, будто словами своими мы способны придавить к земле то, что существует вокруг нас. Мы уверенно говорим о чем-то: «Это имеет место быть!» А откуда у нас такая уверенность?

Петропавел решил, что этот вопрос не к нему.

– На самом же деле, – вздохнул Бон Жуан, – никто не вправе делать подобные заявления: ведь заявлениями этими мы отделяем действительное от возможного, в то время как действительное и возможное существуют бок о бок. Вам известно что-нибудь про возможные миры?

На всякий случай Петропавел снова промолчал. Бон Жуан усмехнулся:

– А между тем мир реальный – не более чем один из возможных миров... Но даже если Вы *очень* постараетесь. Вам все-таки не удастся логическим путем вывести этот реальный мир из всех возможных.

– Чего ж его выводить, когда он есть? – наконец включился в диалог Петропавел.

– Пора уже разобраться с Вашим «есть» и моим «есть». По-моему, это далеко не одно и то же. Ваше «есть» – оно... оно незыблемое, как учебник всемирной истории.

– А Ваше? – дерзнул Петропавел.

– А мое... Видите ли, мое «есть» представляет собой только *вынужденную* передышку между двумя соседними «нет». Оно как бы извиняется за то, что в данный момент имеет место быть. Но охотно уступает это место по первому требованию. Потому что все, что «имеет место быть», существует лишь постольку, поскольку не существует другого. Существующее существует ценою несуществующего. А то, в свою очередь, всегда находится где-нибудь поблизости, рядышком. И граница между ними совсем узенькая – гораздо уже, чем Вы думаете! Если, конечно, Вы вообще думаете о таких вещах... Но вот что интересно: достаточно малейшего перекося, малейшего перевеса одного из обстоятельств – и все сразу изменится, пойдет по-другому. Несуществующее займет место существующего и будет существовать. И с Вами никогда не произойдет того, что должно было бы произойти, не случись этого малейшего перекося. Есть такой миг, когда все возможности равноправны и каждая из них на чеку – и каждая только и ждет своего часа... Вот так... – тут Бон Жуан наклонился к ботфортам и вынул из них цветы. Подумал и приладил на ботфорты две рыбы кости.

Петропавел покачал головой.

– Кроме того, мое «есть» способно и потесниться, – продолжил Бон Жуан. – А это значит, что шпоры, цветы и рыбы кости могли бы *сосуществовать* на ботфортах Вашего покорного слуги. Просто я не люблю, когда украшений слишком много. Но охотно допускаю, что кто-нибудь другой...

– Простите, – ни с того ни с сего спросил вдруг Петропавел. – А с кем ускакала Шармен?

Прерванный на полуслове Бон Жуан посмотрел на него с досадой:

– Это был Всадник-с-Двумя-Головами.

– Ах вот что – с двумя головами... Странно.

– Нормально, – устало сказал Бон Жуан. – Если где-то есть и скачет Всадник *без* Головы, – надеюсь, Вы Майн Рида читали? – то совершенно естественно, что у одного из оставшихся в мире всадников будет *две* головы.

Тут Бон Жуан очень пристально посмотрел на Петропавла и сморозил:

– У меня такое впечатление, что Вы женщина.

– Приехали, – вздохнул Петропавел.

– Вы на что-то обиделись? – поинтересовался Бон Жуан. – Я не хотел Вас обидеть. Просто я не понимаю, почему с Вами разговариваю. Дело в том, что с мужчинами я вообще никогда

не разговариваю. Так Вы не женщина? – Петропавел отрицательно и глупо покачал головой. – Тогда извините... Мне не о чем с Вами говорить, – пожал плечами Бон Жуан и отправился вон из комнаты.

– Чертовщина какая-то, – вслух подумал Петропавел. – Бон Жуан, Шармен, Всадник-с-Двумя-Головами... По-моему, тут все сумасшедшие.

Глава 2

Засекреченный старик

Когда Петропавлу наскучило одному, он двинулся в том же самом направлении, в котором исчез Бон Жуан, и сразу обнаружил, что комната плавно переходит в лес: сначала на полу появились отдельные травинки, потом – пучки, низкие кустики, деревья – и вот уже Петропавел забрел в чащу. Оттуда доносился развеселый какой-то голос: там пели песнь. Слова в ней были следующие:

Двенадцать человек на сундук холодца —
йо-хо-хо! —
и ботинки гнома...

Петропавел пошел на песнь и увидел сидевшего на суку небольшого бескрылого старичка, ее распевавшего. Петропавел сразу решил быть с ним строгим и спросил:

– Вы кто такой?

– Не твое дело! – Старичок оказался грубым. – Ты так спрашиваешь, словно это *ты* создал мир, а я, вроде бы, проник в него без твоего ведома! Но мир создал не ты, я точно знаю. Я даже знаю, *кто* создал, но тебе не скажу! Кто такой... Никто такой, вот тебе! – и он запустил в Петропавла шишкой. Тот поднял шишку и удивился ей: дерево, на котором сидел старичок, было березой.

– Откуда у Вас шишка?

– От сердца оторвал, – нашелся старичок в этой, казалось бы, безвыходной ситуации. – Любопытной Барбаре в походе нос оторвали!

– В комод, – поправил Петропавел.

– Барбара смущена, – диковато отреагировал старичок.

Петропавел не понял и остоленел.

– Не надо столбенеть, как будто ты услышал чушь, – посоветовал старичок. – Ты ведь не можешь гарантировать, что в настоящий момент где-то, пусть даже далеко от нас, не находится какая-нибудь *незнакомая нам* Барбара. А если это так, то не исключено, что *именно сейчас* она чем-либо смущена. Впрочем, это тоже не твое дело.

Разговаривать с грубияном-старичком дальше не имело смысла – и Петропавел решительно двинулся вперед.

Лес густел медленно и незаметно, как кисель. Петропавел обернулся на треск сучьев: старичок, оказывается, крался за ним.

– Вы все еще тут? – холодно спросил Петропавел старичка.

– Что ты непрестанно лезешь в мою личную жизнь? – заорал тот, а Петропавел от возмущения такой постановкой вопроса в сердцах пнул ногой громадный дуб, который тут же повалился вбок, подмяная под себя другие деревья. Одно из них задело грубого старичка, и тот почему-то страшно неуклюже – мешком – свалился в траву, не проронив ни звука. Петропавел подождал с минуту: может, звук запоздал? Но звук так и не раздался. «Я убил его!» – ужаснулся Петропавел и бросился к пострадавшему. Тот лежал в траве и смеялся. Насмевшись, он грамотно объяснил:

– Я не убит, а рассмеялся!

– Давайте все-таки познакомимся, – смягчился Петропавел при виде подобного добродушия.

– Обойдешься, не велика пицца! – без любезности откликнулся старичок и белкой взлетел на сук.

«Ну и шут с тобой!» – сказал Петропавел в сердце своем и снова зашагал один. Идти становилось все труднее: похоже, он забрел в самые дебри. Привязчивый спутник, следуя за ним, от скуки, должно быть, вдруг громко, но довольно вяло исполнил бессмысленный вокальный номер:

Из-за мыса, мыса Горн
едет дедушка Леггорн...

Не дождавшись поощрения, старичок попытался завязать беседу.

– Хорошо тут, в ЧАЩЕ ВСЕГО, правда?

– Предлог «в» – лишний, – подумав, сказал Петропавел. – Дурацкое словосочетание получается... «в чаще всего»!

– То есть, почему же дурацкое? Вокруг нас – чаща. Она называется ЧАЩА ВСЕГО, ибо здесь всего хватает. И если мы находимся внутри нее, то и выходит, что мы в ЧАЩЕ ВСЕГО.

– Ерунда какая! – восхитился Петропавел.

– Не тебе судить, – оборвал старичок.

Петропавел промолчал, ломаясь сквозь сучья. На несколько следующих вопросов старичка он не ответил принципиально.

– Сколько волка ни кори... – снова завел было старичок, однако продолжать не стал, а объяснил ситуацию: – Ты идешь прямо в лапы к Муравью-разбойнику! – Ответа опять не последовало. – Чего ты надулся? – взвился старичок. – Ну, отказался я знакомиться – так это только потому, что не знаю я – понимаешь, *не знаю!* – кто я такой... Зовут меня Ой ли-Лукой ли – устраивает тебя? Меня, например, не устраивает! Я бы предпочел что-нибудь типа Зевеса, если уж *обязательно* как-то называться.

– Ой ли-Лукой ли... это, кажется, из Андерсена? – вспомнил Петропавел.

– Да Бог меня знает откуда... Может, конечно, и оттуда, но вообще-то я местный, из этой ЧАЩИ ВСЕГО. А вот кто я такой, убей – не знаю! Следовало бы, наверное, перечислить какие-нибудь мои особенности, вытекающие из того обстоятельства, что я Ой ли-Лукой ли, но никакие такие особенности мне не известны. Или, скажем, перечислить события, которые в твоих представлениях были бы связаны со мной... У тебя что-нибудь со мной связано?

– Ничего, – честно сказал Петропавел.

– Значит, на вопрос о том, кто я такой, нет ответа! Я бы квалифицировал этот твой вопрос как праздный, а тебя – как болтуна, но мне до тебя нет никакого дела. Мне есть дело только до себя... Вот живу я, – доверительно сообщил преследователь, – и все время думаю: что я за старик такой, а?

– Нормальный старик... только грубый очень, – помог Петропавел.

– Ума я к себе не приложу, – не воспользовался помощью Ой ли-Лукой ли. – Знаю только, что таких, как я, нету больше.

– Каждый по-своему неповторим, – Петропавел беспардонно улыбнулся.

– Ну, это ты брось! Таких, например, как ты – навалом: имя им легион. А вот я... Никак не пойму, в чем мой секрет! Всю жизнь бьюсь над собой, да без толку. Иной раз спросишь себя: «Старик! Чего ты хочешь?» – и сам себе ответишь: «Не знаю, старик».

Петропавлу не понравилось, что Ой ли-Лукой ли на ходу растоптал его индивидуальность, и он не без сарказма поинтересовался:

– Да что же в Вас такого необычного?

– В том-то и вопрос! – оживился старик. – Я вот каждого вижу насквозь, в мельчайшей букашке прозреваю ее сущность – и нет для меня никакой загадки в мире, кроме себя самого:

тут я – пас! Ну, не удивительно ли, что за всю мою долгую жизнь я ни разу – обрати внимание: ни разу! – не встретил никого, кто был бы *точно* таким же, как я? Вот уж создала природа – так создала...

– Давайте о чем-нибудь другом поговорим, – предложил Петропавел. – Про Вас я уже, кажется, все понял. И если попробовать... ну, истолковать...

– Не смей меня истолковывать! – завизжал старик. – Понимаешь – и понимай себе, а истолковывать не смей! Понимать, хотя бы отчасти – дело всех и каждого; истолковывать – дело избранных. Но я *тебя* не избирал меня истолковывать. Я для этого дела *себя* избрал. Есть такой принцип: *познай себя*. А такого принципа, как *познай меня* – нету. Между тем познать – это и значит истолковать. Так что отойди от меня в сторону... И там заткнись. А я себя без твоей помощи истолкую.

– Ну и пожалуйста, – сказал Петропавел. – Уж лучше я к Соловью-разбойнику пойду, чем с Вами тут...

– К Муравью! – перебил Ой ли-Лукой ли. – К Муравью-разбойнику, это существенно. А что касается *СолоВия*, то СолоВий... СолоВий, а не соловей! – он не тут живет. СолоВий – это птичка такая страшная, у которой веки до земли – во-о-он *там* живет, – и он махнул рукой влево, – возле ГИПЕРБОЛОТА ИНЖЕНЕРА ГАРИНА.

– Возле... чего? – обалдел Петропавел.

– Возле ГИПЕРБОЛОТА... ну, это такое *сверхболото* – жуткое, туда всех затягивает! Болото болот, в общем... А названо оно в честь инженера Гарина – я не знаю, кто это, но в его честь.

– Понятно, – ухмыльнулся Петропавел.

– Так вот, это я насчет СолоВия, что он не тут живет. А Муравей-разбойник – гроза лесов и полей. Его вообще никто никогда не видел, но все ужасно боятся.

Петропавел не выдержал и расхохотался:

– Как же это он – гроза лесов и полей, когда его никто не видел никогда?

– Ну, как-как... Плод народного суеверия, следствие неразвитости науки... мифологическое сознание и все такое. Познать не можем – и обожествляем, что ты, право, как маленький! Это и Ежу понятно. Эй, Еж! – крикнул он в пространство. – Тебе понятно?

– Мне все понятно, – отозвался из пространства некто Еж.

– Вы ведь каждого видите насквозь, – не оценив заявления Ежа, напомнил старику Петропавел. – Почему бы тогда Вам самому не познать вашего муравья?

– Насквозь вижу, ты прав. Но это – если видно. А Муравья-разбойника не видно. Впрочем, я бы, может быть, его все равно познал... ан такого принципа, как *познай его* – тоже нету: я же тебе говорил, есть один принцип – *познай себя*. И потом... он злой как собака. Тут вот кто-то из наших гулял по ЧАЩЕ ВСЕГО – в самые дебри зашел, решил: была не была, и шась – прямо к логову!.. Ну, понятно: чем дальше влез, тем ближе вылез! Слышит – богатырский пописк... Он возьми да и крикни: «Муравей-разбойник, разрешите, я Вас познаю?» Так тот – ни слова в ответ. Молчит и злится – представляешь?

Петропавел изо всех сил старался сохранить остатки серьезности:

– Да как он хоть выглядит, этот Муравей-разбойник?

Ой ли-Лукой ли принял церемонную позу и начал:

– Народное воображение рисует его могучим и громадным о трехстах двенадцати головах и восьми шеях, с тремя когтистыми лапами, покрытыми чешуей речных рыб. Его грудь спрятана под панцирем пятисот восьмидесяти семи черепах, левое брюхо обтянуто кожей бронтозавтра, а правое...

– Довольно-довольно, – остановил лавину ужасов Петропавел. – С народным воображением все понятно. А на самом-то деле он какой?

– Да ты что, муравьев никогда не видел? – удивился Ой ли-Лукой ли и, как показалось Петропавлу, поскучнел. – Ну, черненький, должно быть, невзрачный такой, мелкий... Букашка, одним словом. Но суть не в том, каков он на самом деле, – суть в том, каким *мы его себе представляем*. – Ой ли-Лукой ли набрал в легкие воздуха, чтобы продолжить повествование, но Петропавлу удалось встрять:

– Какой же смысл приписывать кому бы то ни было признаки, которыми он не обладает?

В ответ Ой ли-Лукой ли произнес вот что:

– Все-таки ты зануда. И ханжа. Можно подумать, сам ты никогда не приписывал никому признаков, которыми тот не обладает! В этом же вся прелесть – видеть нечто *не таким*, каково оно на самом деле!

– Что-то не нахожу тут особенной прелести, – сознался Петропавел. – Во всяком случае, сам я стараюсь этого не делать.

– Но ведь делаешь? – с надеждой спросил Ой ли-Лукой ли. – Или ты никогда не был влюблен? Каждый ведь в кого-нибудь влюблен. Я даже знаю одного, который влюблен в Спящую Уродину, так вот он...

– Боже мой, кто это? – Петропавла ужаснула подробность имени.

– Неважно! – отмахнулся Ой ли-Лукой ли. – Так вот, он утверждает, что красивей ее нет никого на свете – полный бред! А кроме того он готов поклясться, что она – самая чистая и светлая душа в мире. Непонятно только, когда он успел это выяснить: на моей памяти – а я старше его лет на... несколько! – Спящая Уродина ни разу не проявляла вообще никаких качеств, ибо все время спала как убитая *где-то далеко отсюда*. Теперь подумай о той, в которую ты влюблен!..

Петропавел проницательно улыбнулся:

– Той, в которую я влюблен, я ничего не приписываю. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что внешность у нее не фонтан, и ума особенного нет, и вообще...

– Ты или не влюблен, или дурак.

Петропавел даже не успел оскорбиться – так быстро, с ветки на ветку, исчез Ой ли-Лукой ли в ЧАЩЕ ВСЕГО, оставив после себя в воздухе обрывок странным образом видоизмененной «Песенки герцога»:

Серьги красавицы —
словно пельмени...

Глава 3

Сон с препятствиями

Петропавел долго тряс головой: дурацкая песенка про пельмени не вытряхивалась. Кажется, это она завела его сюда, откуда вообще не было выхода. Он сделал несколько проверочных бросков в разные стороны и обнаружил, что ветви деревьев со всех сторон сплелись намертво. Но хуже всего было другое: Петропавел давно не понимал, что такое «вперед» и что такое «назад». Чувство пространства исчезло полностью. Да и чувство времени – тоже.

Последние силы ушли на то, чтобы вскарабкаться на дерево. Оказалось, что слева – всего в каких-нибудь метрах десяти – ЧАЩА ВСЕГО кончалась поляной подозрительно синего цвета. Сразу за поляной был горный массив. Его цвет не вызывал подозрений. По примеру Ой ли-Лукой ли прыгая с ветки на ветку, весь исцарапанный, Петропавел благополучно приземлился на синюю поляну.

Посередине поляны на пне сидело человеческое существо женского или мужского пола – больше о существе этом по причине полной его неправдоподобности сказать было нечего. Лицо существа, выкрашенное белилами, смотрело в сторону Петропавла, но уловимого выражения не имело. Существо было завернуто в какую-то густую – по всей вероятности, рыболовную – сеть, спадающую до земли.

– Здравствуйте, – осторожно произнес Петропавел и получил в ответ хриплое: «Прикройтесь». Решив, что сейчас на него набросятся, он принял боксерскую, как ему показалось, стойку, но существо не двигалось. Тогда Петропавел, все поняв и смутясь, опустил глаза и увидел, что одежда его состояла теперь сплошь из прорех, сквозь которые светилося худое интеллигентное тело. Оставшиеся после скитаний по лесу лохмотья мало что прикрывали. Петропавел отвернулся и попробовал разложить лохмотья на теле так, чтобы было прилично. Прилично не получилось.

– Где Вы взяли сеть? – спросил он, не оборачиваясь.

– На побережье, – ответили ему странно.

– А побережье где?

– У моря, – ответили еще более странно.

Продолжая манипуляции с лохмотьями, Петропавел, чтобы выиграть время, придрался:

– Почему поляна такого дикого цвета?

– Нипочему. Это ЧАСТНАЯ ПОЛЯНА. В какой цвет хочу – в такой и крашу.

По голосу собеседник мог быть либо женщиной с басом, либо мужчиной с тенором. Решив, что во втором случае можно не церемониться, Петропавел спросил напрямик:

– Вы, простите за нескромный вопрос, какого пола?

– *Скорее всего*, женского, – с сомнением ответили сзади, окончательно сбив Петропавла с толку.

– Нельзя ли поточнее? – не очень вежливо переспросил Петропавел. – В нашем положении это все-таки важно.

– В *Вашем* положении – важно, а в *моем* нет, – заметили в ответ.

«Оно право», – подумал Петропавел и сказал:

– Может быть, если у Вас нет полной уверенности в том, что Вы женского пола, и остается пусть даже маленькая надежда, что Вы мужчина, я перестану смущаться, хотя бы на время, и повернусь к Вам лицом?

– Валяйте.

Петропавел осторожно, не полностью повернулся и стыдливо представился. То, как представлялись ему, потрясло Петропавла.

– Белое Безмозглое, – отрекомендовалось существо.

– Вы это серьезно? – спросил он.

– Не слишком деликатный вопрос, – заметило Белое Безмозглое.

– Извините... Мне просто стало интересно, почему Вас так называли.

Белое Безмозглое пожало плечами:

– Можно подумать, что называют обязательно почему-то. Обычно называют нипочему – просто так, от нечего делать.

– Белое Безмозглое... – с ужасом повторил Петропавел.

– Да, это имя собственное. То есть мое собственное. Но не подумайте, что у меня нет мозгов: у меня мозгов полон рот! А имя... что ж, имя – только имя: от него не требуется каким-то образом представлять своего носителя... Асимметричный дуализм языкового знака.

– Что-о-о? – Петропавел во все глаза уставился на Белое Безмозглое. Оно зевнуло.

– Фердинанд де Соссюр.

Это заявление сразило Петропавла намертво. Он подождал объяснений, но не дождался. Белое Безмозглое тупо глядело на него, все еще не имея никакого выражения лица.

– Что это значит? – пришлось наконец спросить Петропавлу.

– А зачем Вам знать? – опять зевнуло Белое Безмозглое. – Ведь имена узнают, чтобы употреблять их. Вы же не собираетесь употреблять это имя? Стало быть, и знать его незачем. Язык... – зевнув в очередной раз, Белое Безмозглое внезапно уснуло.

Петропавел выждал приличное время и, наконец, тихонько дотронулся до сети:

– Простите, Вы хотели что-то сказать?

– По поводу чего? – поинтересовалось Белое Безмозглое.

– По поводу... кажется, по поводу языка.

– А-а, язык... Язык страшно несовершенен! Как это говорят... – тут Белое Безмозглое опять погрузилось в сон.

– Как это говорят? – подтолкнул его Петропавел.

– Да по-разному говорят. Говорят, например, так: «Парадокс общения в том и состоит, что можно высказаться на языке и, тем не менее, быть понятым». Это очень смешно, – без тени улыбки закончило Белое Безмозглое, засыпая.

«Вот наказание! – с досадой подумал Петропавел. – Оно засыпает каждую минуту!» Размышляя о том, как бы разбудить Белое Безмозглое на более долгий срок, он заметил некоторую несообразность в ее (или его) облике: казалось, что сеть была просто скатана в какое-то подобие тюка и что при этом в тюке ничего нет. Лицо Белого Безмоззлого производило такое же странное впечатление: лица, собственно, не имелось, а все, что имелось вместо лица, было нарисовано – непонятно только, на чем... Петропавлу сделалось жутковато – и он довольно грубо толкнул Белое Безмозглое. Оно очнулось.

– Я что-то начало объяснять?.. Видите ли, я засыпаю исключительно тогда, когда приходится что-нибудь кому-нибудь объяснять или, наоборот, выслушивать чьи-нибудь объяснения. Мне сразу становится страшно скучно... По-моему, это самое бессмысленное занятие на свете – объяснять. Не говоря уж о том, чтобы выслушивать объяснения.

– А вот я, – заявил Петропавел, – благодарен *каждому*, кто готов объяснить мне хоть что-то – все равно что.

Белое Безмозглое поглядело на Петропавла с сожалением: это было первое из уловимых выражений его лица.

– Бедный! – сказала оно. – Наверное, Вы ничего-ничего не знаете, а стремитесь к тому, чтобы знать все. Я встречалось с такими – всегда хотелось надавать им каких-нибудь детских книжек... или по морде. Мокрой сетью. Книжек у меня при себе нет, а вот... Хотите по морде? Правда, сеть уже высохла – так что вряд ли будет убедительно.

– Зачем это – по морде? – решил сначала все-таки спросить Петропавел.

– Самый лучший способ объяснения. Интересно, что *потом* уже человек все понимает сам. И *никогда* больше не требует объяснений – ни по какому поводу!.. И не думает, будто словами можно что-нибудь объяснить. У Вас были учителя? – неожиданно спросило Белое Безмозглое.

– Конечно, – смешался Петропавел. – Были и... и есть. Как у всех.

– Да-да... – рассеянно подхватило Белое Безмозглое. – Терпеть не могу учителей. Они всегда прикидываются, будто что-то объясняют, а на самом деле ничегошеньки не объясняют.

– Ну не скажите! – вступился Петропавел за всех учителей сразу.

– А вот скажу! – воскликнуло Белое Безмозглое. – Я еще и не такое скажу!.. – Даже переживая какую-нибудь эмоцию, оно оставалось почти неподвижным. – Для меня достаточно того, что при объяснении они пользуются словами: одно это гарантирует им полный провал.

– Чем же, по-вашему, надо пользоваться при объяснении?

Белое Безмозглое не задумываясь ответило:

– Мокрой сетью. Исключительно эффективно. А слова... – Белое Безмозглое подозрительно зевнуло, – все суeta и асимметричный дуализм языкового знака.

Определенно надо было предпринимать какие-то действия, чтобы вывести у Белого Безмозглого хотя бы минимальные сведения об этом асимметричном дуализме.

– М-м... – попробовал начать Петропавел, – но ведь асимметричный дуализм языкового знака, как Вы его называете... – этим, наверное, еще не исчерпывается наше знание о мире...

– Исчерпывается, – лаконично возразило Белое Безмозглое и уснуло, успев повторить только: – Фердинанд де Соссюр...

Тут Петропавел прямо-таки рассвирепел.

– Проснитесь! – заорал он. – Сколько можно спать!

Белое Безмозглое проснулось и сказала:

– Не злитесь. Злоба – не воробей: выпустишь – не поймашь.

– Тогда немедленно объясните мне про дуализм и про Фердинанда! – отчеканил Петропавел.

Белое Безмозглое вздрогнуло и испуганно залепетало что-то нечленораздельное, но сразу же впало в такой глубокий сон, что – со страху, должно быть, – захрапело, как солдат.

– Ну, ладно! – зловеще произнес Петропавел. – Тогда держитесь!

Он ухватился за свободный конец сети и с некоторым трудом перевернул тяжелое Белое Безмозглое вверх ногами. Потом прицепил сеть к толстому суку дуба на окраине поляны. Через непродолжительное время, – видимо, от ощущения неловкости в теле – Белое Безмозглое проснулось и поинтересовалось:

– Что это со мной?

– Вы висите на дереве и сейчас объясните мне то, о чем я Вас просил.

Белое Безмозглое тут же попыталось уснуть, но положение тела обязывало бодрствовать, и, не сумев опочить, оно тихо и безутешно заплакало.

– Объясняйте! – приказал неумолимый Петропавел. – Объясняйте – и я верну Вас на Ваш пенек.

– Ну... – принялось ерзать зареванное уже Белое Безмозглое, – это понятие, асимметричный дуализм языкового знака, введено одним лингвистом швейцарским, которого звали Фердинанд де Соссюр... Он рассматривал языковой знак – допустим, слово – как единство означающего и означаемого... то есть формы... внешней оболочки знака... собственно звуков... и смысла... Хватит?

– Мало, – отрезал Петропавел.

– Между формой знака и его смыслом отношения асимметричные... – заныло Белое Безмозглое. – Название никогда не раскрывает сущности предмета, никогда не покрывает смысла...

На Белое Безмозглое невыносимо было смотреть: глаза на его сильно набеленном лице постоянно закрывались и открывались, голова то безжизненно повисала, то вновь поднималась. Борьба с подступавшим сном была, по-видимому, крайне мучительной. Петропавел отвернулся и принялся разглядывать куст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.